

© 1994 г. ТРУБ В.М.

О КОММУНИКАТИВНЫХ АСПЕКТАХ ОТРИЦАНИЯ КАК НЕГАТИВНОЙ ОЦЕНКИ ИСТИННОСТИ

1. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Среди разнообразных семантических функций отрицания особо выделяется одна из главных — функция негативной оценки истинности (ОИ). Негативная ОИ всегда является производным высказыванием, полученным в результате применения оператора отрицания к коммуникативно более ранней пропозиции Р. Как известно, классическим, общепринятым способом семантического описания предложений, содержащих отрицание, стало использование оборота "неверно, что Р", в сферу действия которого попадает рема утверждения, образующего его пропозициональный акт — ср., например [1, 2]. В то же время представляется, что применительно к отражению функции истинностной оценки такая перифразировка будет описывать значение отрицания более адекватно, если изменить порядок следования ее компонентов: "неверно, что Р" $\Rightarrow$ "то, что Р, неверно". Тем самым становится явным тот факт, что мысль (уверенность, допущение, долженствование, ожидание и т.д.) о ситуации Р уже находилось или появляется в общем текущем поле зрения говорящего и слушающего непосредственно перед ее опровержением. Негативные ОИ, как и другие типы истинностных оценок, а также сообщения естественно рассматривать как виды утверждений. В частности, негативные ОИ могут быть отнесены к утверждениям корректирующего типа. Таким образом, иллюкутивной функции как сообщений, так и ОИ соответствует речевой акт утверждения [3].

Следует подчеркнуть, что оператор "то, что Р, неверно", равно как и противоположный оператор "то, что Р, верно", рассматриваются как средства констатации ложности или истинности некоторой пропозиции, т.е. выполняют роль "чистой" истинностной оценки, указывающей на соответствие или несоответствие некоторого мнения действительности. В этой функции операторы ОИ рассматриваются как элементарные смыслы, независимые, абстрагированные от ряда сопутствующих значений, которые, наряду с ОИ, могут входить в семантическую структуру многих слов естественного языка. К числу подобных сопутствующих значений, например, относятся:

а) указания на лицо, ставшее источником пропозиции, истинность которой оценивается. Например, предикаты *правильно*, *неправильно*, *совершенно верно*, *совершенно справедливо*, *нельзя согласиться с тем, что...* и многие другие оценивают истинность мнения, предьявителем которого является не говорящий. В то же время предикаты *нельзя сказать, что (чтобы)*, *действительно*, *в самом деле* и т.д. не накладывают подобных ограничений на предьявителя опровергаемого или подтверждаемого мнения — оно может быть выдвинуто и говорящим;

б) указания на то, является ли оцениваемая пропозиция результатом чьих-то дедуктивных рассуждений, логического вывода (*правильно*, *совершенно верно*, *Х ошибся*, *Х прав*, *Х не прав* и т.д.) или же подается как констатация действительного положения вещей в той или иной сфере, как объективное знание — ср. (1) *Это ложь*, *неправда!*

в) указания на причины несоответствия опровергаемого мнения действительности — является ли это результатом ошибки, заблуждения (ср. *Р показалось*), логически уязвимых рассуждений (т.е. следствием того, что мнение, ставшее результатом дедукции некоторого лица, отражает действительность неадекватно [4] — ср. (2) *Ты не прав*), неоправдавшихся ожиданий, нарушения бытующих стереотипов или же лжи — ср. (1). В последнем случае говорящий констатирует, что содержание предъявленного другим лицом речевого произведения не соответствует действительным мыслям этого лица [4], что в свою очередь дает говорящему основания обвинить его в попытке ввести кого-либо в заблуждение, т.е. в нарушении постулата искренности.

г) указания на причины, благодаря которым говорящий обладает "монополией" на истину, — обоснования, позволяющие ему заключить, соответствует или не соответствует некоторое мнение действительности.

Повторяем, операторы истинностной оценки должны рассматриваться автономно, независимо от подобных сопутствующих значений.

Существенно, что коммуникативная функция сообщения кардинально отличается от аналогичной функции отрицания как негативной ОИ. Любое сообщение, как известно, характеризуется тем или иным типом темо-ремного членения. Цель сообщения состоит в том, чтобы подать в рамках текущей смысловой порции новую информацию (рему) об элементе, являющемся темой данной смысловой порции. Главная функция сообщения заключается в подаче новых данных, истинность которых не обсуждается, поскольку она, если не оговорено специально, как бы гарантирована эпистемическим обязательством говорящего [5]. Имеется в виду, что у слушающего нет предварительных гипотез о том, что будет сообщено о теме, и он равновероятно готов узнать о ней любую информацию. В этом случае его задача состоит в первую очередь в том, чтобы осмыслить сообщаемое, т.е. согласно известному тезису Ю.С. Мартемьянова [6], ответить прежде всего на вопрос "Что это значит?". А уже затем, в рамках задачи "Как это (прикажете) понимать?" он может, в частности, оценивать достоверность сообщения (соглашаться, сомневаться или оспаривать правомерность сопоставления данной ремы теме высказывания).

В отличие от коммуникативной структуры сообщения, актуальное членение истинностной оценки принципиально иное, поскольку в качестве ремы в ней выступает ОИ, соотношенная уже с готовой пропозицией, которая целиком выполняет роль темы, — пропозицией, в той или иной модальности уже актуализованной. Таким образом, единственная и главная функция ОИ заключается только в оценке достоверности уже готового, сложившегося мнения о чем-либо. Важно подчеркнуть, что подобные смысловые порции (типа "то, что Р, верно", "то, что Р неверно") и образуют тот семантический материал, который в процессе восприятия соответствующих высказываний формируется еще на этапе ответа на вопрос "Что это значит?".

В то же время может варьироваться и отношение самого говорящего к степени достоверности производимого им высказывания (в частном случае — и истинностной оценки). Когда истинность высказывания гарантируется эпистемическим обязательством говорящего, т.е. когда он полностью берет на себя ответственность за его достоверность, нужный модус ("я утверждаю", "я знаю") выражается имплицитно. Такое нулевое выражение данного модуса имеет, например, место в негативной ОИ (3) *Иванов не приехал* ~ "То, что Иванов приехал, неверно". Имплицитность выражения реальной модальности в данном примере обусловлена именно убежденностью говорящего в своей правоте, почерпнутой из объективного знания действительного положения вещей [7]. Если же говорящий не может однозначно гарантировать достоверность производимого высказывания, то он так или иначе эксплицирует свое представление о его истинности, поскольку "...ненадежность передаваемого сообщения непременно должна оговариваться" [8,

с. 180]. Для этого в его распоряжении имеется представительное множество предикатов пропозициональной установки. Проблематика использования пропозициональных предикатов в контексте отрицания представляет собой отдельную тему, которой мы не имеем возможности здесь касаться. Объектом дальнейшего рассмотрения данной работы станут отрицательные предложения с имплицитным модусом, выражающие только однозначные негативные ОИ.

Мы сосредоточимся на анализе одной из важнейших характеристик отрицания как негативной ОИ — его теснейшей связи со своим коммуникативным предшественником (опровергаемой пропозицией). Устойчивость этой связи уже давно констатируется в лингвистических исследованиях — ср., например [1, 8—13]. Как отмечает Н.А. Торопова [10, с. 25], "...в научной литературе прочно укрепляется мнение, что в основе всех отрицательных высказываний лежит утверждение. Большинство ученых подчеркивает ретроспективную связь отрицания с утверждением...". В этом плане особенно показательны замечания Б. Рассела [9], которые мы позволим себе еще раз процитировать вслед за [12, с. 16]: «Допустим, вы берете сахар, думая, что это соль; когда вы попробуете его, вы, по всей вероятности, скажете "Это не соль". Когда вы ищете что-либо потерянное, вы говорите: "Нет, этого здесь нет", после вспышки молнии вы можете сказать: "Я не слышал грома". Если бы вы увидели аллею из буков с одним вязом среди них, вы могли бы сказать о нем: "Это не бук"».

Далее будет рассмотрен ряд тесно связанных друг с другом коммуникативных характеристик опровергаемой пропозиции (ОП) в отрицательных предложениях: отражение модальности ОП в структуре предложения, разнообразные источники актуализации представления об ОП (в том числе и при скрытом отрицании), время актуализации и некоторые другие аспекты.

2. ПЕРВИЧНОЕ, ВТОРИЧНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ОПРОВЕРГАЕМОЙ ПРОПОЗИЦИИ И ЕЕ МОДАЛЬНОСТЬ

В соответствии с изложенной концепцией естественно различать первичное и вторичное употребление ОП. Употребление ОП в отрицательном предложении в сфере действия частицы *не* всегда является вторичным. Так, в рассмотренном выше примере (3) ОП "Иванов приехал", являющаяся объектом негативной ОИ, реализована по крайней мере вторично. Первичное же употребление данной пропозиции выполняет функцию актуализации — введения представления об ОП либо напоминания о ней (перевода соответствующей информации из "долговременной памяти" в текущее поле зрения слушающего). В операциональном плане естественно различать следующие типы первичного употребления ОП по "месту" или "времени" ее реализации:

1) предтекстовое первичное употребление ОП (эксплицитное/имплицитное). Так, в (3) осуществлено предтекстовое первичное употребление ОП "Иванов приехал" в произвольной модальности, которое может оказаться как эксплицитным, так и имплицитным. В приведенных выше примерах Б. Рассела имеют место предтекстовые имплицитные употребления ОП, предопределенные ситуацией;

2) текущее первичное употребление ОП, т.е. реализация ОП в самом отрицательном предложении (эксплицитная/имплицитная). Например, во фразе (4) *Я приехал не во вторник, как собирался, а в среду утром* посредством соотносительного придаточного оборота *как собирался* реализуется текущее первичное эксплицитное употребление ОП "Я приехал во вторник". При этом функционально оно может соответствовать как введению представления об ОП, так и напоминанию о ней. Поэтому (4) имеет по крайней мере два прочтения, которые маркируются разными модальными рамками, вводящими ОП:

(4а) ≈ "Знай, что я полагал, что временем моего приезда будет вторник. Знай, что временем моего приезда стал не вторник, а утро среды".

(46) $\approx$ "Как ты знаешь (помнишь), я полагал, что временем моего приезда будет вторник. Знай, что..."

Структура отрицательного предложения должна быть скоординирована с тем или иным типом первичного употребления ОП. Часто, как в рассмотренном примере, следы этой координации находят отражение на поверхностном уровне. Более подробно ряд аспектов этой проблемы будет рассмотрен в разд. 4. Здесь же мы ограничимся показом того, как отражается на структуре отрицательного предложения противопоставление модальностей ОП (ибо представление об ОП неотделимо от ее модальности). Модальность ОП предопределяется вероятностными характеристиками ситуации, описываемой ОП. Так, отрицательное высказывание может быть реакцией говорящего на непосредственно предшествующее категоричное утверждение слушающего (с точки зрения говорящего — искреннее заблуждение). В то же время объектом негативной ОИ могут быть и ОП о высоковероятной ситуации Р или же допускаются равные возможности обеих альтернатив (Р и не Р), либо даже принимается, что вероятность осуществления Р, о которой идет речь в ОП, немногим больше нуля. Таким образом, негативная ОИ указывает на то, что ситуация, описываемая ОП, не имеет места. А уже из вида модальности ОП следует, опровергается ли чья-то уверенность, высоковероятное ожидание, долженствование, допущение и т.д.

Различия в модальности ОП могут влиять на структуру высказывания. Рассмотрим в качестве примера два варианта противопоставительной конструкции: *не Р, а Q* и *Р, а не Q*, которые обычно принято считать эквивалентными. В то же время очевидно, что по крайней мере в диалогическом контексте подобная вариативность структур отрицания обусловлена различиями модальностей ОП Р при ее эксплицитном первичном употреблении в предтексте. Например, фраза (5) *Я не обедал, а перекусил в буфете* может быть вполне адекватной реакцией на вопрос слушающего: *Ты обедал?* Тем самым имеется в виду, что слушающий допускает и то, что говорящий обедал, и то, что тот не обедал. С другой стороны, (6) *Я перекусил в буфете, а не обедал* нормативно является реакцией на только что высказанную уверенность слушающего в том, что говорящий сыт (например, выраженную в недоумении: *Ты же обедал!*). Важно подчеркнуть, что (5) и (6) имеют разные иллокутивные функции. Так, (5) может быть, например, расценено как вежливая попытка успокоить слушающего, а (6) — как побуждение к тому, чтобы он принял меры к кормлению говорящего или не предпринимал ничего такого, что могло бы помешать последнему принимать пищу. Как можно объяснить подобные расхождения в прагматической трактовке одного и того же смысла (7), содержащегося в (5) и (6) и в первом приближении представимого как (7) $\approx$ "То, чем я удовлетворял послеполуденный голод, не есть обед, а есть перекус в буфете"?

Причина этих расхождений заключается именно в различных модальностях ОП "Говорящий обедал" в (5) и (6). В (6) имеется в виду, что слушающий допускает обе альтернативы, т.е. одинаково готов к последствиям, вытекающим и из того, что говорящий съел обед, и из того, что он вообще днем ничего не ел. В этой ситуации восприятие смысла (7) должно указать слушающему, что ни одно из его предположений не является верным, а в действительности имеет место что-то "третье": говорящий съел меньше того, что положено есть днем (закуска в буфете "меньше" обеда), но это все же лучше, чем ничего. Этот довод и призван выполнить функцию вежливого побуждения к тому, чтобы говорящий перестал волноваться. А в (6) слушающий исходит из однозначного мнения, т.е. готов только к тем последствиям, которые вытекают из того, что говорящий сыт. Таким образом, (7) служит для говорящего средством корректирования представления слушающего о степени его сытости. Оказывается, что данный параметр не соответствует норме (как был убежден слушающий) и должен быть признан неудовлетворительным, поскольку перекус в буфете

меньше обеда. Тем самым говорящий сообщает слушающему о своей доминирующей потребности. Из этого можно заключить (если принять во внимание постулат релевантности — ср. [3]), что (6) должно быть расценено слушающим как побуждение к удовлетворению желания говорящего либо по крайней мере к воздержанию от действий, которые могли бы воспрепятствовать этому.

3. О ТИПАХ КОММУНИКАТИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ ПЕРВИЧНОГО УПОТРЕБЛЕНИЯ ОПРОВЕРГАЕМОЙ ПРОПОЗИЦИИ

Эксплицитность выражения ОП может сколь угодно варьироваться. Чаще всего представляется правомерным провести аналогию между отрицательным предложением и развернутым отрицательным ответом на общий вопрос. Так, фраза (8) *Поезд не пришел* может рассматриваться как развернутый отрицательный ответ на "немой" вопрос: "Пришел ли поезд?", обусловленный ожиданием данного события. Тем самым (8) эквивалентно краткому отрицательному ответу в диалоге вида — Пришел ли поезд? — Нет", где соответствующая идея выражена эксплицитно.

3.1. Связь опровергаемой пропозиции с нормативным стереотипом.

Очень часто источником ожидания ситуации, о которой идет речь в ОП, является апелляция к нормальному положению дел в той или иной жизненной сфере. Ср. объявление (9) *Пива нет* ≈ "То, что есть пиво, неверно" на пивном ларьке, в котором при нормальных условиях должно отпускаться пиво. Другой пример: (10) *В два часа ночи Коля не спал* ≈ "То, что в два часа ночи Коля спал, неверно" (представление о том, что Коля мог спать, естественно проистекает из мнения, что в соответствующее время суток большинство людей обычно спит). При этом имплицитно подразумевается, что: а) слушающему известен соответствующий нормативный стереотип; б) для него очевидно, что в сложившейся ситуации этот стереотип вполне применим к объекту, о котором идет речь (к данному пивному ларьку во время, отведенное для торговли, к Коле в указанный отрезок ночи и т.д.). Из этих посылок и возникает представление об ОП.

Если же, по мнению говорящего, некоторый "нужный" ему нормативный стереотип для слушающего не очевиден или нуждается в напоминании, то он может быть выражен эксплицитно. С этой целью часто используются соотносительные придаточные предложения, вводимые местоимением как:

(11) *Когда двухлетнего Сен-Санса впервые подвели к фортепьяно, он не стал беспорядочно бить по клавишам, как это делает большинство детей его возраста, а осторожно брал одну ноту за другой...*

(12) *Гроб с телом Моцарта не внесли в храм хотя бы для краткого отпевания, как того требует погребальный церемониал католической религии, а напутствовали в часовне святого Креста.*

(13) *В те дни гостей Еревана возили прежде всего не в Эчмиадзин и не на Севан, как диктовала давняя традиция, а на Театральную площадь.*

Приведенные примеры интересны тем, что в них эксплицитированы все необходимые компоненты противопоставительной "триады": а) указание на норматив, являющийся источником представления об ОП (в двухлетнем возрасте дети обычно беспорядочно бьют по клавиатуре, погребальный церемониал католической религии предписывает отпевать покойника в храме, давняя традиция диктовала возить гостей Еревана в Эчмиадзин и на Севан; б) собственно отрицание — опровержение мнения о том, что данный норматив выполняется, как это естественно было ожидать, для предмета сообщения (для двухлетнего Сен-Санса, впервые получившего доступ к фортепьяно, для покойного Моцарта, для гостей, посещавших Ереван в "те дни"; в) противопоставление — конкретизация противоположной альтернативы (что же имеет место в действительности вместо того, что можно было ожидать).

Несколько иной тип соотносительности со стереотипом представлен в примерах (14—15): (14) *Метаязык толкований представляет собой не искусственный семантический язык (как в порождающей семантике), а как бы ядерный фрагмент естественного языка*; (15) *На Крите не было дивной прозрачности воздуха, свойственного Элладе*, где говорящий апеллирует к такому хорошо знакомому слушающему нормативу (в качестве метаязыка порождающей семантики используется искусственный семантический язык, Элладе свойственна дивная прозрачность воздуха), действие которого тот, скорее всего, будет склонен перенести и на предмет повествования. Целью высказывания является указание о том, что данный норматив не распространяется на предмет сообщения, поскольку последний подчиняется другому стереотипу: на метаязык толкований не распространяются закономерности языка порождающей семантики, а прозрачность воздуха на Крите иная, чем в Элладе.

3.2. Отрицание при употреблении некоторых служебных слов.

В данном разделе будет рассмотрен ряд особенностей соотношения отрицания с ОП на материале некоторых служебных слов.

1. Пропозиция, отражающая нормативный стереотип, нарушение которого констатируется отрицанием, может выражаться первой валентностью союза *а* в значении А1 [14]. При этом негативная ОИ, опровергающая выполнение данного стереотипа для предмета сообщения, заполняет вторую валентность союза. Ср. фрагмент арии Кончака из оперы Бородина "Князь Игорь": (16) *...Все боятся меня, всяк трепещет кругом. А ты меня не боишься...*

2. Достаточно разнообразны типы выражения эксплицитного и имплицитного отрицания встречаются в конструкциях, образуемых союзом *но*. Рассмотрим, например, два фрагмента из "Дамы с собачкой" А.П. Чехова:

(17): *Ждали, что приедет муж. Но пришло от него письмо, в котором он извещал, что у него разболелись глаза, и умолял жену поскорее вернуться домой.* (18) *Пройдет какой-нибудь месяц, и Анна Сергеевна, казалось ему, покроется в памяти туманом... Но прошло больше месяца, наступила глубокая зима, а в памяти все было ясно, точно расстался он с Анной Сергеевной только вчера...*

В данных примерах первичное употребление ОП ("приедет муж Анны Сергеевны", "Гуров забудет об Анне Сергеевне") осуществляется посредством заполнения первых валентностей (противочленов) союза *но*. Функция же скрытой негативной ОИ соответствующих ОП реализуется через вторую валентность союза. В (17) подразумевается, что боль в глазах у мужа мотивировала его решение отказаться от приезда. При этом в (17) реализуется тот подвид значения *но*, который обычно принято квалифицировать как "но противодействия" — ср. [15, с. 437]. А в (18) тот факт, что Гуров не забыл Анну Сергеевну, констатируется тем, что вместо ожидаемого положения дел продолжает иметь место противоположная альтернатива — сохраняется прежнее состояние памяти. В данном случае мы сталкиваемся с другим подвидом значения союза — "но неформального следствия" [15, с. 436].

В других, более сложных случаях, представление об ОП не может быть сформировано благодаря восприятию только первого противочлена союза *но*, а требует анализа всей "но-конструкции", синкретично выражающей ОП, негативная ОИ которой с произвольной степенью имплицитности содержится во втором противочлене. Ср. приводимые в работе [15, с. 436] примеры типа (19) *Стояла зима, но я гулял в пиджаке*, (20) *Кругом весна, но за город нельзя*, где "сообщение в предшествующей части выступает как стимул потенциальной ситуации, противоположной той, о которой информирует последующая часть" [16]. Так, из того, что стояла зима, в частности, вытекает, что гулять следует в теплой верхней одежде. В то же время пропозиция, заполняющая вторую валентность *но*, конкретизирует противоположную альтернативу: "Я гулял в пиджаке", откуда

восстанавливается негативная ОИ: "Я гулял не в теплой верхней одежде, а в пиджаке". В (20) имеется в виду, что наступившая весна пробуждает желание поехать за город. В то же время второй противочлен *но* констатирует отсутствие возможности для реализации этого желания: "То, что можно поехать за город, неверно".

Возможны и такие ситуации, связанные с выражением частного значения "но противоположной оценки" [15, с. 434], когда "но-конструкция" полностью включает в себя значение противопоставительного отрицания, причем первый противочлен эксплицитно выражает негативную ОИ, а второй конкретизирует противоположную альтернативу: (21) *Я не обедал, но перекусил в буфете* (более детальный анализ подобных конструкций см. в работе [17]).

3. У предложного предикатива *Вместо* (*P, Q*) первая валентность *P* соответствует пропозиции, опровержение которой, собственно, и образует ассертивную часть толкования данного предикатива. Действительно, в первом приближении *Вместо* (*P, Q*) $\approx$ «Ожидать *P*. Имеет место не *P*, а такой вид "не *P*", который конкретизируется *Q*". Ср. (22) *Вместо того, чтобы делать уроки, Петя пошел гулять*. Часто высказывания с предикативом *вместо* становятся синонимичными предложениями с предикативом *заменять* (*x, P, Q*): (23) *Ярем он барщины старинной оброком легким заменил* $\approx$ "Вместо барщины он ввел оброк". В подобных случаях высказывание с *вместо* содержит присутствующее в *заменять* значение компенсации — с точки зрения субъекта *X, Q* в определенном отношении считается функционально равноценным *P* (хотя объективно это может оказаться и не так).

4. В функциональном плане отдельную общую группу образуют предложные предикативы *несмотря на* (*P, Q*), *вопреки* (*P, Q*) и союзный предикатив *хотя* 1 (*P, Q*), ассертивная часть значения которых также может быть описана посредством негативной ОИ. При этом допустимо абстрагироваться от уточнения природы факторов *P* и *Q* — соотносятся ли они с природными, стихийными силами (состояниями) или же связаны с чьими-то целенаправленными физическими и (или) интеллектуальными усилиями. В первом приближении значение данных предикативов может быть представлено следующим образом:

(25) *Несмотря на* (*P, Q*) (*вопреки* (*P, Q*), *хотя* 1 (*P, Q*)) $\approx$ «Имеет место *P*. Ввиду *P* естественно было ожидать, что будет "не *Q*". В то же время имеет место не "не *Q*", а *Q*». Имеется в виду, что при употреблении данных предикативов актуализуется имплицитивный стереотип вида: «Всякий раз, если *P*, то высоковероятно, что будет иметь место "не *Q*"», отражающий общепринятое представление о нормальном развитии некоторой ситуации [15].

В общем случае фактор *P* должен рассматриваться как осязаемое препятствие к реализации *Q*. Но если *несмотря на* (*P, Q*), *хотя* (*P, Q*) безразличны к виду этой противодействующей силы, то *вопреки* (*P, Q*) предполагает только целенаправленный характер такого противодействия: (26) *Хоть погода и плохая (несмотря на плохую погоду), поезд не остановится*. Но: (27)? *Вопреки плохой погоде поезд не остановится*.

Для *несмотря на* (*P, Q*), *хотя* 1 (*P, Q*) требование о весомости, значительности фактора *P* в качестве препятствия к *Q* является жестким. Поэтому данная валентность с трудом заполняется наименованиями (пусть и обоснованных) ментальных состояний, которые не способны оказать сопротивление *Q*: (28)? *Несмотря на ожидания (надежды, желания...) поезд не остановится*; (29)? *Хотя он и хотел (надеялся), поезд не остановился*. В то же время *вопреки* (*P, Q*) допускает подобную подстановку: (30) *Вопреки ожиданиям (надеждам...) поезд*

¹ В отличие от чисто оценочного уступительного значения союза, *хотя* 2 (*P, Q*), в котором компонент *P*, вызывая ощущение, контрастное к тому, которое производит фактор *Q*, тем не менее не способен поколебать общую аксиологическую оценку, вызванную восприятием *Q* — ср. (24) *Он подавался слегка вперед с полуулыбкой, хотя в этом легком повороте головы было что-то от галантных портретов 18-го столетия*.

не остановился. Тем самым в позиции валентности Р дублируется сема "ожидание", фигурирующая в толковании вопреки (Р, Q), а конкретизация фактора Р, который собственно и вызвал это ожидание, остается в тени.

5. Представляет также интерес рассмотрение свойств отрицания в контексте условного предложения и прочих конструкциях, выражающих имплицативную зависимость между посылкой и следствием. Обычно условная конструкция вида *если Р, то Q* "опирается" на презумпцию существования ряда необходимых факторов, образующих некоторое множество $\{a'\}$ — совокупность естественных предпосылок, с которыми должна "суммироваться" ситуация, оговариваемая в имплицативной посылке. Часто имеется в виду, что при нормальном положении дел "сохранность" множества факторов $\{a'\}$, считается высоковероятной и потому особо не оговаривается во избежание нарушения постулата информативности. (Крайним выражением нарушения данного постулата являются случаи, когда в посылке оговаривается ситуация, которая необходимым образом должна иметь место и поэтому неинформативна в качестве условия: (31) *Если завтра взойдет солнце...* — ср. [5].) При этом подразумевается, что Р — это последний, единственный фактор, недостающий до множества факторов $\{a'\}$, которые в сумме образуют множество предпосылок $\{a\}$, достаточное для того, чтобы имело место Q. Так, в высказывании (32) *Если завтра будет хорошая погода, я поеду кататься на лыжах* имеется в виду, что в состав множества факторов $\{a'\}$, с которым "суммируется" условие "хорошей погоды на завтра", входит сохранение текущего состояния здоровья субъекта, обладание лыжами (или наличие к ним доступа) и т.д.

В то же время, если в имплицативном следствии речь идет о ситуациях, запланированность, ожидание которых входит в состав презумпции соответствующего высказывания, мы сталкиваемся с ситуациями другого типа. Рассмотрим примеры (33-35):

(33) *Если у меня заболит горло, я не поеду завтра кататься на лыжах;*

(34) *Если будет туман, самолет не вылетит вовремя;*

(35) *Если будет туман, самолет вылетит вовремя.*

В (33) и (34) запланированность катания на лыжах, своевременного вылета самолета очевидна хотя бы из того, что эти пропозиции находятся в сфере действия частицы *не*, будучи подвергнуты негативной ОИ: "то, что я поеду завтра кататься на лыжах, неверно", "то, что самолет вылетит вовремя, неверно". В (35) на запланированность вылета самолета указывает наречие *вовремя*, в значение которого, несомненно, входит сема запланированности целенаправленного действия, которое выражает предикат, определяемый наречием. При этом следствие образует положительную истинностную оценку: "то, что самолет вылетит вовремя, верно". В подобных случаях в имплицативной посылке оговаривается возможность нарушения некоторого фактора из множества предпосылок $\{a\}$, который в сумме с остальными факторами собственно и делал возможным планирование действий, обсуждаемых в следствии. Тем самым отсутствие данного фактора ставит под угрозу осуществление запланированной акции. Для (33) в качестве такого предпосылочного фактора выступает здоровое горло, для (34) — отсутствие тумана, а для (35) — наличие тумана. При этом акцентуация, "высвечивание" соответствующего фактора из множества предпосылок $\{a\}$ не нарушает постулата информативности. Ведь слушающему не обязательно могли быть известны все факторы, необходимые для осуществления соответствующих акций.

В то же время при маркированной интонации, когда основное фразовое ударение падает на главное предложение (имплицативное следствие), (35) становится синонимичным: (36) *Если (и) будет туман, самолет все равно вылетит вовремя*, которое можно рассматривать как результат применения операции отрицания к (34), т.е. (36) $\approx$ "То, что если будет туман, то самолет не вылетит вовремя,

неверно". Тем самым выявляется и значение адвербиального предикатива *Все равно Q*, ассертивный компонент которого в (36) может квалифицироваться как отрицание импликации: "То, что если Р, то Q, неверно".

Важная особенность синтактики оборота *все равно Q* состоит в том, что, в отличие от предикативов, рассмотренных выше, его семантическая валентность Р формально нереализуема: будучи семантически сильной, она оказывается синтаксически нулевой [18]. В примере (36) Р соответствует условию имплицативной конструкции, в составе следствия которой фигурирует предикатив *все равно Q*. В повествовательных предложениях употребление данного адвербиального предикатива предполагает либо осведомленность слушающего о ситуации, соотносящейся с валентностью Р — ср. (37) *Поезд все равно не остановится*, либо использование других вспомогательных средств для ее экспликации: (38) *Из-за плохой погоды поезд все равно не остановится*.

Сопоставление примеров (37, 38) и (36) позволяет выявить определенную вариативность в значении данного предикатива. Вначале сравним (39) *Из-за плохой погоды поезд не остановится* и (38), что должно помочь нам вычленить значение *все равно* в (38). (39) $\approx$ "Можно было полагать, что из-за плохой погоды поезд остановится. То, что из-за плохой погоды поезд остановится, неверно". Ясно, что значение (38) не тождественно (39) и может быть приближенно представлено как: (38) $\approx$ "В соответствии с ходом событий поезд не должен останавливаться. В то же время в силу некоторой причины актуализовано представление о его остановке (то ли потому, что это кому-нибудь нужно, то ли, наоборот, в силу ее нежелательности). Далее возникает предположение, что поезд может остановиться из-за плохой погоды. Ассерция: То, что поезд остановится из-за плохой погоды, неверно". Сравним теперь (38) с (40), функционально аналогичным (36): (40) *Если (и) будет плохая погода, поезд все равно не остановится* $\approx$ "Можно было полагать, что из-за плохой погоды поезд остановится. То, что если будет плохая погода, то поезд остановится, неверно". Отсюда видно, что, в отличие от (38), в (40) мысль о возможности остановки поезда появляется не сама по себе, а только в связи с мыслью о плохой погоде.

Нетрудно заметить, что в отличие от условных предложений типа (40) повествовательные предложения типа (38) неоднозначны из-за неопределенности модальности обстоятельства причины. Так, (38) может быть произнесено и тогда, когда имеет место плохая погода, и при обсуждении перспективы ее ухудшения. Таким образом, значение адвербиального предикатива *все равно Q* является инвариантным относительно типов предложений, в которых он фигурирует, а также вида модальности фактора Р. Поэтому его толкование должно предусматривать возможность тех или иных модификаций в зависимости от конкретизации этих параметров. В самом общем виде данное толкование может быть сформулировано следующим образом: (41) *Все равно Q* $\approx$ «Ход событий таков, что ожидается Q. В то же время актуализовано представление о "не Q". Далее возникает предположение: можно ожидать, что реализация фактора Р (его совмещение с текущим ходом событий) каузирует "не Q". Ассерция: То, что Р каузирует "не Q", неверно».

Пример (38), будучи неоднозначным, должен допускать несинонимичные перифразировки. Нереальный модальный статус причинного обстоятельства в (38) может быть эксплицирован посредством условной конструкции *Если будет плохая погода...* Однако следует иметь в виду, что в этом случае в интерпретации (38) сохраняется презумптивная часть с указанием на первоначальную актуализацию представления о "не Q", предшествующую предположению о том, что реализация фактора Р каузирует "не Q". В то же время в значении *все равно Q* в "чистых" условных предложениях типа (36, 40) данное указание, как мы видели, отсутствует. При этом ассертивная часть (38), как и в (40), представляет собой отрицание импликации: "То, что если будет плохая погода, то поезд остановится, неверно".

Перифразировка (38) вида (42) *Из-за того, что погода плохая поезд не остановится*, констатирующая фактивную модальность фактора Р в (38), подразумевает, что при сохранении тех же презумптивных предпосылок ассертивная часть семантического представления (42) модифицируется следующим образом: «Предположение о том, что совмещение с текущим ходом событий наличествующего фактора Р (плохой погоды) в некоторый момент Т1, более поздний относительно времени речевого акта, должно привести к "не Q" (остановке поезда), неверно». В примере же (43) *Поезд все равно не остановился* имеется в виду, что фактивная ситуация Р уже известна слушающему из предтекста. При этом сообщается, что совмещение Р с текущим ходом событий в момент Т1, предшествующий речевому акту, не привело к "не Q" (остановке поезда), как это можно было предполагать, т.е. Q сохраняется (поезд продолжает движение). На основании этого говорящий заключает, что соответствующее предположение оказалось неверным. Таким образом, если в примерах (37, 38, 40, 42) опровержение данного предположения базируется на неизвестных слушающему знаниях или дедукции говорящего, то в последнем случае оно основывается на констатации конкретного факта.

Сформулируем теперь установленные различия в значениях служебных предикативов *несмотря на (Р, Q), вопреки (Р, Q), хотя (Р, Q)*, с одной стороны и адвербиального предикатива *все равно Q* — с другой:

1) в первой группе слов фактору Р соответствует фактивная модальность, а в значении *все равно Q* эта модальность оказывается произвольной;

2) в первой группе предположение "если Р, то Q" может быть актуализовано в режиме семантической презумпции в составе ассертивной части толкования, а у *все равно Q* оно входит в состав предтекстовой прагматической презумпции;

3) в первой группе данное предположение является нормативным, отражающим стереотип типичного развития ситуации, а для *все равно Q* оно может носить и частный характер.

3.3. Отрицание и семантика неожиданности

Заслуживает также внимания изучение различных типов опровергаемых пропозиций (ОП), подвергающихся негативной ОИ в контексте предикативов неожиданности типа наречий *неожиданно (внезапно, вдруг) Р*. В настоящем разделе мы сознательно абстрагируемся от достаточно тонких семантических различий между данными наречиями (ср., например [19]) и сосредоточимся на том, что их объединяет.

1. В самом первом приближении значение этих предикативов может быть описано следующими двумя пунктами:

1) сообщение слушающему о ситуации, которая выражена предикатом, подчиняющим наречие (здесь речь идет, естественно, о синтаксическом подчинении, так как на семантическом уровне подчиняющим предикатом более высокого порядка является, безусловно, само наречие). Так, в примере (44) *Неожиданно уехал Иванов* сообщается об отъезде Иванова;

2) кроме того, сообщается, что ранее эта информация была воспринята и некоторыми другими лицами (в число которых при определенных условиях может входить и говорящий), что в свою очередь вызвало у них по крайней мере удивление.

Разумеется, применительно к конкретной ситуации, в которой (в зависимости от того, насколько она затрагивает текущие интересы субъектов восприятия) должно учитываться и конкретное семантическое "наполнение" подчиняющего предиката (ПП), часто речь идет не просто об удивлении, но об удивлении, сопровождающемся любыми проявлениями эмоционального спектра (радость, нейтральное отношение, потрясение, горе, злоба, гнев и т.д.). Но в рамках

собственно значений рассматриваемых наречий правомерно говорить только об удивлении.

Важно подчеркнуть, что чисто ассертивным статусом обладает только второй компонент значения. Действительно, информация, содержащаяся в первом компоненте, не при любых условиях может быть новой для слушающего. Так, один из вариантов коммуникативной парадигмы [21] синтаксической модели *V + Adv* (при постпозитивном употреблении наречия) обычно предполагает, что ситуация, описываемая ПП, представляет собой прагматическую презумпцию высказывания, т.е. так или иначе уже известна слушающему. Например, во фразе (45) *Иванов уехал неожиданно* факт отъезда Иванова (или хотя бы сама идея отъезда) предполагается уже известным, а сообщается о том, что он вызвал по крайней мере удивление ряда лиц.

Дадим попутно краткую характеристику типов актуального членения других вариантов коммуникативной парадигмы данной конструкции — ср. (44), а также (46) *Иванов неожиданно уехал* и (47) *Неожиданно Иванов уехал*. В случаях препозиции наречия и постпозитивного употребления субъектного актанта относительно ПП [см. (44)] имеется в виду, что о соответствующем лице (Иванове) до сих пор речь не шла. В качестве исходной темы сообщения выступает имплицитный "место-временной" локализатор, к которому привязано сообщаемое событие (отъезд Иванова), образующее ремю первой смысловой порции. Тем самым (44) может рассматриваться как аналог ответа на вопрос типа "Что нового?". Если субъектный актант ПП выносится в препозицию высказывания [см. (46)], то он становится темой первой смысловой порции: "То, что можно сказать об Иванове в обсуждаемом временном интервале, есть — уехал, что и стало причиной удивления". Если же актант располагается в постпозиции к наречию и в препозиции к ПП, как в (47), то имеется в виду, что данное лицо (Иванов), будучи темой высказывания, одновременно является и общим смысловым стержнем всего текстового фрагмента, неначальной частью которого является (47).

В дальнейшем нас будет интересовать ряд аспектов второго, ассертивного, компонента значения наречий "неожиданности". Ведь когда человек чему-либо удивляется, то при этом подразумевается, что восприятие соответствующей информации обязательно сопровождается у него негативной ОИ некоторой ОП, в том или ином модальном статусе уже присутствовавшей в его сознании. В то же время обратное неверно: не всякая негативная ОИ влечет за собой удивление.

Обращаясь вновь к уже упомянутому в разд. I тезису Ю.С. Мартемьянова [6], можно сказать, что удивление и прочие эмоциональные реакции на получение информации повсеместно соответствуют второму этапу восприятия — этапу осмысления правильно понятого сообщения, когда человек задается вопросом типа "Как это (прикажете) понимать?". Важно подчеркнуть, что в рассматриваемых языковых единицах указание на подобные реакции являются важным компонентом значения слова, т.е. связано с первым этапом восприятия, соотносящимся с ответом на вопрос "Что это значит?". Такое "пересечение функций" возможно именно потому, что значения подобных языковых средств описывает реакцию на сообщение не того слушающего, которому реально адресовано данное высказывание, а других лиц. Ведь реакция реального слушающего не может быть известна заранее.

2. Следует отдельно остановиться на вопросе о степени эксплицитности выражения субъекта удивления, который тем самым является и субъектом негативной истинностной оценки. Детальность конкретизации соответствующего лица (лиц) может существенно варьироваться, поскольку данная валентность у наречия *неожиданно* является факультативной, ее заполнение при наречии *внезапно* стилистически приемлемо лишь в ряде ограниченных контекстов, а у наречия *вдруг* она вообще нереализуема, т.е. является синтаксически нулевой, оставаясь при этом семантически сильной [18]: (48) **Вдруг для Ивана приехала*

Наташа. Нереализация данной валентности выполняет функцию анафорической отсылки к более широкому предтексту, где однозначно задано соответствующее лицо или множество лиц. Уточнение "списка" удивившихся может зависеть и от варьирования порядка слов — ср. (49) *Неожиданно стало известно, что Иванов женился* и (50) *Стало известно, что Иванов неожиданно женился*. В (49) имеется в виду, что женитьба Иванова удивила ряд лиц, в число которых при определенных условиях может входить и говорящий. А в (50) речь идет о том, что после того, как женитьбе Иванова удивилось одно множество лиц, об этом факте узнало другое множество, причем говорящий может входить только во второе. Дополнительные аспекты, характеризующие субъекта удивления, могут зависеть и от конкретного семантического "наполнения" ПП. Примерами служат глаголы убытия и прибытия, в которых соответственно не заполнены валентности начальной и конечной точки [18]: — ср. (44) *Неожиданно уехал Иванов* и (51) *Неожиданно приехал Иванов*. В (44) имеется в виду, что удивившиеся локализованы в месте отъезда Иванова, тогда как в (51) они находятся в месте его прибытия.

3. Как уже отмечалось, высказывания, повествующие о неожиданности ситуации Р, на глубинном уровне всегда содержат предикат информирования некоторых лиц о Р. Тем самым (52) *Неожиданно Р ~ "Неожиданно стало известно (некто узнал...) о Р"*. При этом причина удивления говорящего и (или) субъекта восприятия обычно связана с самой ситуацией Р, а не с фактом получения информации о ней. Исключениями являются случаи тавтологии, когда позицию Р замещает предикат информирования кого-либо о том, что уже известно говорящему и слушающему, — ср. (53) *Неожиданно это стало известно ~ "Неожиданно стало известно, что это стало известно"*. Если в примерах типа (52) говорящий может разделять с другими лицами удивление по поводу Р, то в (53) удивление говорящего вызвано самим фактом оповещения (ведь Р для него уже не новость). Содержащееся в (53) указание на удивление других лиц по поводу Р объясняется здесь не значением предикатива неожиданности, а вытекает из (53) чисто логически: поскольку факт оповещения расценивается говорящим как утечка информации, то, следовательно, сама эта информация носит сенсационный характер.

Если во фразе отсутствуют какие-либо средства, эксплицирующие факт осведомления о Р субъекта или говорящего, то, естественно, никак не конкретизируется и способ получения этих сведений. В то же время наличие подобных средств в предложении в той или иной мере отражает и способ восприятия. Например, обороты *стало известно, что, как выяснилось, сообщили* и т.д. указывают на осведомление путем вербальной переработки информации. Так, в (54) *Неожиданно стало известно об отъезде Иванова* предполагается только вербальное оповещение о данном событии и исключается возможность того, что субъект мог, допустим, быть непосредственным очевидцем отъезда Иванова, тогда как в (44) на способ осведомления такое ограничение не накладывается. В других случаях источником представления о Р может служить собственная дедукция или же чувственное восприятие субъекта — ср. (55) *Неожиданно он понял (осознал, почувствовал, ощутил...), что Р*. Важно подчеркнуть, что некоторые ситуации допускают лишь определенный способ узнавания о себе. Например, в (56) *Она (неожиданно) улыбнулась*, (57) *Он (неожиданно) расхохотался*, где, в частности, отражено совмещение времени ситуации со временем узнавания о ней, допускается только визуальный или визуально-акустический способ восприятия — ср. (58) **Неожиданно стало известно, что она улыбнулась*; (59) **Неожиданно оказалось, что он расхохотался*. Вербальный способ осведомления о подобных событиях приемлем только при эксплицитном указании на раздельность временных интервалов существования ситуации и оповещения о ней: (60) *Неожиданно оказалось (стало известно), что она тогда улыбнулась*.

4. Для семантического анализа разнообразных употреблений наречий неожиданности оказывается существенным учитывать семантический тип предиката Р [20] — является ли Р, например, утвердительной формой событийного предиката или процесса (состояния), событийным предикатом в отрицательной форме (или содержащим скрытое отрицание), либо так называемом альтернативно-оценочным предикатом (см. ниже). Важность дифференциации этих контекстов обусловлена варьированием модальностей и типов ОП.

В отличие от типов отрицания, рассмотренных в разделах 3.1 — 3.2, которые в самых общих чертах можно квалифицировать как констатацию неосуществления того, что так или иначе ожидалось, в ряде употреблений наречий неожиданности мы, на первый взгляд, сталкиваемся с противоположным явлением — реализацией того, что не ожидалось. Специфичность этого "подвида" неожиданности состоит в том, что в подобных ситуациях речь идет о так называемом "неактуализованном" ожидании — когда мнение о высокой вероятности некоторой ситуации находится не в текущем поле зрения субъекта восприятия, а в "долговременной памяти" и актуализуется только в момент узнавания о том, что имеет место противоположная альтернатива. Данный подвид неожиданности в свою очередь допускает по крайней мере две интерпретации в зависимости от семантического типа Р:

а) Р — событийный предикат в утвердительной форме. В подобных случаях семантика Р может быть представлена как каузация, описывающая смену двух противоположных состояний ($A \Rightarrow$ "не А"). При этом имеется в виду, что в состав огромного количества сведений, находящихся в долговременной памяти субъекта, входит и истинное мнение о том, что имеет место А, и высоковероятно, что А будет достаточно долго продолжаться и далее. Возможность осуществления "не А" не рассматривалась субъектом именно потому, что у него не было никаких оснований сомневаться в стабильности А. Так в (44) предполагается, что у субъекта восприятия было истинное мнение, что Иванов находится в том же месте, в котором локализован субъект, и высоковероятно, что Иванов будет находиться в нем и далее. Важно подчеркнуть, что это мнение не актуализовано, т.е. непосредственно перед узнаванием об отъезде Иванова субъект мог думать о чем угодно другому. В результате получения информации о соответствующем событии данное мнение актуализуется и становится объектом негативной ОИ. "То, что Иванов продолжает здесь находиться, неверно", что и вызывает удивление. Аналогично в рассмотренном выше "тавтологичном" примере (53), где позицию Р занимает предикат информирования, причиной удивления говорящего является негативная ОИ вида: «То, что "это" продолжает оставаться для других неизвестным, неверно».

б) Р — состояние (процесс, постоянное свойство). На первый взгляд, такие случаи представляются невозможными — ср. (61) **Неожиданно Иванов женат (болен...)*. Однако практически та же информация может быть передана фразами с экспликацией факта уведомления о соответствующем состоянии — (62) *Неожиданно оказалось (стало известно...), что Иванов женат (болен...)*. Семантический анализ подобных высказываний выявляет, что удивление получателя информации связано с негативной ОИ, объектом которой становится его ранее неактуализованная уверенность в существовании ситуации, в действительности не имеющей места. Для примера (62) такая негативная ОИ может быть представлена как: "То, что Иванов холост (здоров...), неверно". При этом, в отличие от ситуаций, рассмотренных в пункте (а), здесь имеется в виду, что в течение всего обсуждаемого временного отрезка реальное состояние данного лица (Иванова) было противоположным мнению субъекта об этом состоянии.

Подчеркнем, что уведомление о Р мыслится как "точечное" событие. Если Р относится к разряду событий, то происходит согласование компонентов "осведомление" и "ситуация Р" по признаку "событийность", что и делает

возможной факультативность поверхностного выражения компонента "осведомление". Ср. в связи с этим одинаковую допустимость (хотя и нетождественность!) (44) и (54)). Если же воспринимаемая ситуация относится к разряду состояний (процессов, свойств), то происходит рассогласование смысловых компонентов "осведомление" (событие) и "ситуация Р" (состояние), что и делает обязательным, во избежание аномальности, "вынос на поверхность" того или иного варианта компонента "осведомление", — ср. (62).

В пунктах (в) и (г) рассматривается употребление предикативов неожиданности, предусматривающее актуальное ожидание некоторой ситуации.

в) Если Р является событийным предикатом в отрицательной форме (или содержит скрытое отрицание), то объектом негативной ОИ является актуализованное высоковероятное ожидание соответствующего события: (63) *Иванов неожиданно не приехал* ("то, что Иванов приехал, неверно"); (64) *Иванов неожиданно остался* ("то, что Иванов уехал, неверно").

г) Под альтернативно-оценочным предикатом (АОП) мы подразумеваем предикат, дающий истинностную оценку реализации одного из двух исходов, ожидание которых вызвано событием, презумптивным относительно значения АОП. Например, для АОП *согласиться, отказаться* такой презумпцией будет *предлагать*: факт предложения имплицитно актуализованное ожидание не просто одного, а одного из двух альтернативных, одинаково актуализованных исходов — согласия или отказа. При этом в контексте наречий неожиданности дается негативная ОИ реализации того из двух исходов, который считался более вероятным: (65) *Иванов неожиданно согласился* ("то, что Иванов отказался, неверно").

4. О "ВРЕМЕНИ" АКТУАЛИЗАЦИИ ОПОВЕРГАЕМОЙ ПРОПОЗИЦИИ

1. Еще одним важным аспектом в исследовании отрицания как негативной ОИ представляется так называемое "время" или "место" возникновения у слушающего представления об ОП. Естественно различать два случая: 1) представление об ОП актуализуется (т.е. формируется в текущем поле зрения слушающего) в процессе восприятия высказывания, содержащего отрицание; 2) представление об ОП актуализовано у слушающего непосредственно перед восприятием такого высказывания.

В первом случае негативная ОИ не может быть первой ремой предложения, которое с произвольной степенью эксплицитности неизбежно содержит так называемую "коммуникативную подводку" к ОИ. Для осуществления такой "подводки" (т.е. введения представления об ОП) могут использоваться модальные рамки разных типов: "Знай, что...", "Как ты знаешь (помнишь)...", "Как ты понимаешь, естественно полагать, что..." и т.д. Так, при любой версии трактовки рассмотренного в разд. 2 неоднозначного примера (4) *Я приехал не во вторник, как собирался, а в среду утром* представление об ОП актуализуется именно в процессе восприятия данного предложения, а не ранее. В примере из раздела 3.1 (10) *В два часа ночи Коля не спал* апелляция к нормативному стереотипу осуществляется имплицитно внутри предложения посредством модальной рамки третьего вида: (10) ≈ "Было два часа ночи. Как ты понимаешь, было естественно полагать, что Коля в это время спал. Знай, что это неверно". То же "время" формирования представления об ОП тем более характеризует примеры типа (11—15), где указание на соответствующий нормативный стереотип (т.е. источник представления об ОП) дается в самом высказывании. Во втором случае негативная ОИ становится либо единственной, либо первой ремой предложения, а коммуникативная подводка к ней уже осуществлена в непосредственном предтексте. Тем самым ОП в той или иной модальности уже актуализовано в сознании слушающего. Оно служит как бы точкой отсчета, с которой высказывание продвигается вперед посредством опровержения соответствующего мнения —

уверенности, предположения, ожидания и т.д. Очевидно, что такие негативные ОП предполагают большую степень эксплицитности выражения ОП в предтексте либо ее предопределенность конситуацией, как в примере (9) *Пива нет* — объявление адресовано тем, кто пришел к ларьку выпить пива.

В рамках анализируемого противопоставления полезно обратить внимание на следующее обстоятельство: если информация, на базе которой формируется представление об ОП, известна слушающему до восприятия текущего высказывания, то из этого не следует, что оно актуализовано непосредственно перед его рассмотрением. Тем самым целесообразно различать два вида оперирования с прагматической презумпцией. С одной стороны, прагматической презумпцией может быть либо информация давно известная, но актуализованная (вызванная из "долговременной памяти" в поле зрения слушающего) непосредственно перед рассмотрением данного высказывания либо впервые ставшая известной перед его восприятием. С другой стороны, прагматической презумпции может соответствовать и старая информация, актуализуемая уже в ходе анализа фразы. Первая стратегия соответствует случаю, когда представление об ОП предшествует рассмотрению предложения с отрицанием, а вторая — актуализации представления об ОП в процессе его восприятия.

2. Представляет интерес сопоставление варьирования "времени" появления идеи об ОП при употреблении служебных слов и прочих предикативов, рассмотренных в разд. 3.

В разд. 3.2 в примерах эксплицитного и скрытого отрицания, выражаемого посредством союзов *а* (16), *но* (17—18) в пределах сверхфразового единства, возникновение представления об ОП должно быть признано текущим, а не предтекстовым. Хотя соответствующая пропозиция формально фигурирует в начальной фразе, ее употребление в действительности служит первичной реализацией первого противочлена союза, вводящего вторую фразу. Как известно, валентности многих строевых единиц языка могут одинаково легко заполняться как в составе одного предложения [в данном случае согласно модели *Р, а (но) Q*], так и фрагментами, оформленными в разные фразы [по модели *Р. А (Но) Q*]. При другом, стилистически, безусловно, менее удачном построении отрывков (17) и (18), каждый из них можно представить в виде одного предложения.

В примерах типа (19) *На дворе зима, но я гулял в пиджаке*, (20) *Уже весна, но за город нельзя* тем более имеет место текущая реализация ОП, поскольку, как было показано, идея об ОП имплицитно выводится из взаимодействия содержания обоих противочленов союза *но*.

Случай типа (21) *Я не обедал, но перекусил в буфете*, когда "но-конструкция" включает в себя значение противопоставительного отрицания, предполагают предтекстовое первичное употребление ОП (здесь — "я обедал"), которое, таким образом, происходит за пределами "но-конструкции". При изменении позиций тех же противочленов [ср. (66) *Я перекусил в буфете, но не обедал*] имеет место текущее первичное употребление данной ОП, имплицитно реализуемое в составе второго противочлена *но*. Таким образом, противопоставительные конструкции вида *Q, но не Р*, в отличие от конструкций *Q, а не Р*, обычно обладающих прагматической презумпцией предтекстового первичного употребления ОП *Р* [ср. (6) *Я перекусил в буфете, а не обедал*], не имеют такой презумпции.

Как было показано на примере (22) *Вместо того, чтобы делать уроки, Петя пошел гулять*, каноническое употребление предложного предикатива *вместо Р, Q* синкретично совмещает первичную текущую реализацию пропозиции *Р* и ее же повторное употребление в сфере действия скрытого отрицания, входящего в ассерцию данного предикатива. А при анафорическом режиме употребления валентности *Р* [ср. (67) *Вместо этого Петя пошел гулять*] указательное местоимение говорит о повторном упоминании идеи о *Р*, которая затем

подвергается имплицитной негативной ОИ. Таким образом, в (67) имеет место не текущая, а предтекстовая актуализация ОП "Коля делает уроки".

Нормативное употребление предложных предикативов *несмотря на* (Р, Q), *вопреки* (Р, Q), *хотя* (Р, Q) предусматривает, что представление об ОП вводится синхронно с фразой, содержащей соответствующий оборот. Вначале слушающий узнает о том, что имеет место Р. А уже семантика оборота, актуализуя общепринятое представление о нормальном развитии ситуации Р, указывает, что из Р следует ожидание "не Q" (которое затем опровергается негативной ОИ, образующей ассертивную часть толкования данных предикативов). В то же время анафорический режим заполнения валентности Р [(68) *Несмотря на это (вопреки этому) Q*] предполагает не только предварительную осведомленность слушающего в том, что имеет место Р, но также и актуализованность его мнения, что Р имплицитно ожидание "не Q".

В отличие от рассмотренных строевых средств, адвербиальный предикатив *все равно Q*, как мы видели, допускает только предтекстовую актуализацию нормативного предположения "если Р, то "не Q".

Как было показано в разд. 3.3., высказывания со структурой *Неожиданно (вдруг, внезапно) Р*, где Р — событийный или процессный предикат в утвердительной форме, предусматривают, что до момента их восприятия представление об ОП ("не Р") не было актуализовано не только для субъекта восприятия, но и для слушающего — адресата высказывания. Употребление в сфере действия предикативов неожиданности глаголов с явным или скрытым отрицанием, а также альтернативно-оценочных предикатов предполагает предварительную актуальную осведомленность об ОП как слушающего, так и субъекта восприятия — см. анализ примеров (63—65). Если же аналогичные по функции высказывания имеют структуру *Р неожиданно* (т.е. Р не входит в состав ремы предложения), то имеется в виду, что к моменту анализа фразы у слушающего уже актуализовано мнение о Р. Ассертивному компоненту соответствует факт осведомления о Р субъекта восприятия и его удивления по этому поводу — ср. (45).

3. Представляет интерес и анализ пар предложений типа рассмотренных в работе [3, с. 106—107], в которых противопоставление падежей (им./род) актанта при отрицательном предикате связывается со сменой денотативных статусов (ДС) этих актантов — ср. пары (69а—69б) и (70а—70б) в нижеследующих примерах:

(69а) <i>Документы не обнаружены.</i>	(69б) <i>Документов не обнаружено.</i>
(70а) <i>Куропатки в Калужской губернии не водятся.</i>	(70б) <i>В Калужской губернии не водятся куропаток.</i>
(71а) <i>Гостиница не построена.</i>	(71б) <i>Гостиницы не построено.</i>
(72а) <i>Вскрытие не производилось.</i>	(72б) <i>Вскрытия не производилось.</i>

Естественно полагать, что ДС актанта в отрицательном предложении должно определяться ДС этого актанта в том ОП, истинность которого оценивает данное предложение. Так, определенная референтность актанта *документы* в (69а) наследуется из определенной референтности этого актанта в ОП, подвергнутом негативной ОИ, а экзистенциальный статус *документов* в (69б) должен быть предопределен ДС этого актанта в другом ОП, не тождественном первому. В то же время следует подчеркнуть, что семантические различия между (69а) и (69б) связаны не только с противопоставлением ДС соответствующих объектов, но и с "временем" появления представления об ОП. А именно, в (69а) мысль об ОП актуализована непосредственно перед рассмотрением данного предложения, тогда как в (69б) она может возникать и в ходе его восприятия. Это же различие характеризует и пару (70а—70б), где оно маркируется сменой порядка слов, а также пары (71а—71б) и (72а—72б) (где противопоставление падежных окончаний не связано со сменой ДС). Не случайно в (71а и 72а) усматривается присутствие

значения запланированности (как частного случая ожидания), которое отсутствует в (71б и 72б).

Примеры (69а—72а) предполагают достаточно жесткую связь каждого предложения с предшествующим текстовым окружением, поскольку в качестве агента связности здесь выступает мысль об ОП, индуцированная в непосредственном предтексте. Так, (69а) обычно произносится в связи с актуализацией вопроса о том, были ли обнаружены исчезнувшие документы. Такое понимание обеспечивается, в частности, препозицией референтного актанта *документы* при отрицательной форме АОП *обнаружить*. Это свидетельствует о том, что поиск пропавших документов образует прагматическую презумпцию (69а), а само высказывание утверждает, что цель предпринятого действия не была достигнута: "То, что документы обнаружены, неверно". [Ср. симметричное высказывание без частицы *не*, являющееся положительной ОИ аналогичного ожидания: (73) *Документы обнаружены* ≈ "То, что документы обнаружены, верно". Заметим, что при другом порядке слов — (74) *Обнаружены документы* — где референтная определенность объекта сменяется референтной неопределенностью, а само высказывание уже не является ОИ, предикат теряет статус АОП и утрачивает прагматическую презумпцию целенаправленного поиска]. Подобно (69а), (70а) также предполагает актуальную уверенность слушающего, что в Калужской губернии водятся куропатки, а (71а и 72а) — его знание о том, что было запланировано строительство гостиницы (вскрытие).

Примеры же (69б—72б), напротив, допускают неоднозначную трактовку, поскольку представление об ОП может возникать у слушающего и в процессе их восприятия. В этом случае оно появляется не само по себе, а ввиду соответствия высказывания некоторой общей смысловой теме, которой подчинен объемлющий текстовый фрагмент. В подобных ситуациях мысль об ОП появляется в качестве одной из "вариаций" на ту тему, освещением которой занят говорящий. Например, для (69б) такой темой может быть рассказ о результатах обследования некоторой локальной территории (обыска того или иного лица и т.д.), где, помимо всего прочего, могли быть и какие-нибудь документы, и констатируется, что среди обнаруженных предметов нет никаких документов. Заметим также, что при одинаковой незаполненности локативной валентности *обнаруживать* в (69а) и (69б) между ними есть еще одно существенное смысловое различие. В (69а) имеется в виду, что к моменту речевого акта поиски исчезнувших документов не дали результатов во всех тех местах, где они производились. В (69б) же констатируется отсутствие каких-либо документов в том локальном месте, которое стало объектом обсуждения.

Для примеров (70б—72б) в качестве контекстов, в которых возникают представления о соответствующих ОП, могут предположительно выступать следующие темы:

(70б) — обсуждение особенностей Калужской губернии, отличающих ее от других губерний, где, в частности, водятся куропатки;

(71б) — рассказ о некоторой локальной территории, представляющей, например, интерес с точки зрения развития туризма (отдыха, лечения и т.д.), где поэтому можно было ожидать развития местной материальной базы, в том числе и строительства гостиницы;

(72б) — рассказ о конкретных шагах, последовавших в связи с чьей-то смертью, обстоятельства которой могли дать основания полагать, что, наряду с другими типичными ("фреймовыми") шагами соответствующего ритуала, производилось и вскрытие...

4. От всех рассмотренных выше примеров, различающихся временем появления представления об ОП, кардинально отличаются высказывания другого типа, в которых некоторое мнение опровергнуто еще до текущего момента речевого акта. Ср. в этой связи возможные (т.е. не единственные!) трактовки примеров (73—75):

(73) *Они не спят из-за шума* ≈ "Причиной, из-за которой они не спят, является шум";

(74) *Поезд не остановится из-за плохой погоды* ≈ "Причиной того, что поезд не остановится, является плохая погода";

(75) *Арсений не поедет на север, чтобы встретиться с отцом* ≈ "Причиной того, что Арсений не поедет на север, является его намерение встретиться с отцом".

Приведенные трактовки (73) — (75) соответствуют так называемой "узкой" сфере действия частицы *не* [2], не распространяющейся на причинное и целевое обстоятельства. Рассмотренные интерпретации предусматривают предварительную осведомленность слушающего о том, что люди, о которых идет речь в (73), не выслаются, что в определенном месте поезд не остановится (74), что Арсений не поедет на север (75). Ср. также: (76) *Билета нет у Васи* ≈ "Тот, у кого нет билета, — Вася". Как справедливо отмечает Н.Д. Арутюнова, подобные предложения "нельзя считать отрицательными, поскольку отрицание входит в них в тематическую часть сообщения" [21].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Падучева Е.В. О семантике синтаксиса. М., 1974.
2. Богуславский И.М. Исследования по синтаксической семантике: сферы действия логических слов. М., 1985.
3. Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). М., 1985.
4. Шатуновский И.Б. "Правда", "истина", "искренность", "правильность" и "ложь" как показатели соответствия/несоответствия содержания предложения мысли и действительности // Логический анализ языка: Культурные концепты. М., 1991.
5. Падучева Е.В. О референции языковых выражений с непредметным значением // НТИ. Сер. 2. 1986. № 1.
6. Мартеньюв Ю.С. Заметки о строении ситуации и форме ее описания // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 8. М., 1964. С. 125—126.
7. Дмитриевская М.А. Знание и мнение: образ мира, образ человека // Логический анализ языка: Знание и мнение. М., 1988.
8. Арутюнова Н.Д. Феномен второй реплики или о пользе спора // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста. М., 1990.
9. Рассел Б. Человеческое познание. М., 1957.
10. Торопова Н.А. Семантика и функции логических частиц (на материале немецкого языка). Саратов. 1980.
11. Труб В.М. О некоторых коммуникативных аспектах интерпретации отрицания // Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности: Тез. докл. и сообщ. шк.-семинара, г. Кутаиси, 22—23 апр. 1985.
12. Арутюнова Н.Д. Аномалии и язык (к проблеме языковой "картины мира") // ВЯ. 1987. № 3.
13. Зализняк Анна А., Падучева Е.В. Подъем отрицания: синтаксис, семантика или прагматика? // НТИ. Сер. 2. 1987. № 8.
14. Крейдлин Г.Е., Падучева Е.В. Значение и синтаксические свойства союза *а* // НТИ. Сер. 2. 1974. № 9.
15. Санников В.З. Значение и синтаксические свойства союза *но*: нарушение "нормального" положения вещей // ИАН СЛЯ. 1986. № 5.
16. Русская грамматика. Т. 2. М., 1980. С. 624.
17. Труб В.М. К проблеме функционального сходства нейтрального и контрастивного отрицания // Логический анализ языка: Тожество и подобие, сравнение и идентификация. М., 1990.
18. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
19. Баранов А.Н. "Выделительное" и "событийное" значение частицы "да": материалы к изучению семантики и прагматики диалога // Тр. по искусственному интеллекту: Модели диалога. Тарту, 1987 (Уч. зап. ТГУ. Вып. № 751).
20. Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982.
21. Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.Н. Русское предложение. Бытийный тип. М., 1983. С. 67.